

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.4

ББК 60.54

© Калашников К.Н.

ТРУДОВЫЕ ПРОТЕСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ¹

КАЛАШНИКОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

Институт социально-экономического развития территорий

Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: konstantino-84@mail.ru

В статье анализируются основные черты протестного движения работников в современной России, при этом акцент делается не только на анализе спектра форм трудовых протестов, но и на исследовании их основных социально-экономических предпосылок. Автор отмечает, что сложная социально-экономическая конъюнктура (бюджетные проблемы регионов, низкий уровень ликвидности организаций, неудовлетворительный уровень заработной платы и ее задержки), сложившаяся в современной России, усугубляет общую институциональную проблему – слабое развитие инструментов социального партнерства. Несмотря на то что общее количество трудовых протестов, ежегодно происходящих в стране, незначительно (несколько сотен), имеется ряд обстоятельств, обуславливающих важность внимательного отношения к этой проблеме. Среди них – устойчивая динамика роста количества конфликтов в последние годы, обострение общей социально-экономической ситуации в стране, рост общего протестного потенциала в российском обществе. В статье установлено и подтверждено статистическими данными и итогами экспертных исследований, что инструменты защиты социально-трудовых прав, предусмотренные трудовым законодательством РФ, оказываются малоэффективными. Это заставляет работников находить новые пути отстаивания своих интересов. В итоге основная часть фиксируемых в России трудовых протестов реализуются в формах, предусмотренных не трудовым кодексом, а общим законодательством о конституционных правах. В статье

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-32-01057 «Человеческий потенциал сельских территорий Северо-Западного федерального округа».

отмечается, что исследования трудовых протестов не могут опираться исключительно на данные официальной статистики (Росстат), предоставляющие информацию о количестве забастовок. Исследования по данной тематике должны привлекать к анализу экспертные оценки и собственные наблюдения. В качестве информационной базы для статьи послужили данные официальной статистики (Росстат), а также оценки экспертов Центра социально-трудовых прав (г. Москва), которые изучают проблему трудовых протестов в мониторинговом режиме с 2008 года. Результаты исследования могут быть полезны органам исполнительной власти, в частности департаментам/управлениям труда и занятости, для формирования мер по стабилизации ситуации в сфере трудовых отношений и обществе в целом, а также в учебном процессе в рамках курсов социологии, политологии и конфликтологии. Перспективы исследования связаны с необходимостью и актуальностью исследования роли и участия профсоюзов в урегулировании трудовых конфликтов и повышении эффективности инструментов социального партнерства.

Трудовые протесты, формы трудового протеста, стоп-акции, работодатель, забастовка, Россия.

Крупные акции протеста, развернувшиеся в последние годы в российских регионах, вернули к жизни уже затухающий интерес к теме социальной турбулентности, которая, как нам могло показаться, уже начала терять свою актуальность [4]. Произошедший в ноябре 2016 года в Ростове-на-Дону митинг шахтеров «Кингкоул», участники которого прибегли к угрозам голодовки и перекрытия железнодорожных и автомобильных путей, и вовсе оживил в памяти мрачный эпизод почти двадцатилетней давности – «рельсовые войны» 1998 года, которые, изначально развиваясь в русле индустриального конфликта, закончились выдвиганием политических требований об отставке действующего президента.

И хотя верно, что ситуация «девяностых» – как по драматизму и накалу страстей, так и по многим статистически фиксируемым параметрам – не может сравниться с современной, происходящие события все же дают повод для серьезного обсуждения проблемы трудовых протестов – и в части их объективных социально-экономических предпосылок, и с позиций инструментального анализа протестной активности трудящихся в контексте системы социального партнерства. В данной статье предпринята попытка проанализировать ин-

ституциональные, социально-экономические факторы трудовых протестов, а также режимы их осуществления в современной России. В качестве информационной базы для статьи послужили данные официальной статистики (Росстат) и оценки экспертов Центра социально-трудовых прав (далее – ЦСТП) (г. Москва), которые изучают проблему трудовых протестов в мониторинговом режиме с 2008 года².

Понятие «трудовой протест» используется в российской и зарубежной конфликтологии реже, чем традиционный и получивший фундаментальное толкование в зиммелевской социологической мысли термин «конфликт»³. Нередко оба слова рассматриваются как взаимозаменяемые, однако по умолчанию понимается, что трудовой конфликт – более широкое понятие и включает в себя весь комплекс индивидуальных и массо-

² Мониторинг трудовых протестов ЦСТП осуществляется с 2008 года на основе анализа интернет-сообщений, публикуемых на новостных сайтах и информационных порталах, посвященных социально-экономической тематике. Более подробно об исследовании см.: Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСТП [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360>

³ Термин «протест» используется в западной литературе, как правило, при освещении крупных массовых акций протеста по значительным общенациональным поводам. См., например: [18].

вых, открытых и латентных, обыденных и радикальных проблемных ситуаций, вовлекающих различных участников социально-трудовых отношений. Большинство из таких конфликтов скрыты от внимания СМИ и широкой общественности, они также не попадают и в систему учета официальной статистики. Протест же, в отличие от конфликта, представляет собой относительно открытую реакцию на общественную ситуацию. В данной статье в качестве основного будет принято определение трудового протеста, учитывающее этот нюанс, предложенное ведущим специалистом ЦСТП П.В. Бизюковым и положенное им в основу авторского исследования российского протестного движения. Трудовой протест – это форма трудового конфликта, характеризующаяся такими существенными признаками, как отнесенность к сфере трудовых отношений (прежде всего к связи «работник – работодатель»), открытость, в том числе и в связи с освещенностью в информационном пространстве, активная позиция участников протеста в отстаивании собственных интересов и воздействии на работодателя или другие субъекты (например, органы власти), определяющие позицию работодателя, с целью ее изменения в пользу работников [1].

Вопрос, который претендует на статус основополагающего в анализе ситуации с социально-трудовыми протестами в современной России, касается того, обусловлена ли она и в какой мере объективным фактором – экономической конъюнктурой. Например, необходимо понять, в какой степени невыплаты заработной платы связаны с реальными проблемами экономики, а потому предприятия являются их заложниками, а в какой – недобросовестностью работодателей, нередко игнорирующих требования трудового законодательства, отраслевые соглашения и коллективные договоры. Ответ на этот вопрос представляется чрезвычайно важным как с позиций оценки эффективно-

сти органов исполнительной власти, так и для понимания точек отсчета в дискуссии о воплощении предложенной М.В. Шамаковым и одобренной Президентом идеи о внесении в Гражданский кодекс положения о приоритете заработной платы перед другими обязательными платежами, в том числе и налогами [15]. Эта инициатива кажется разумной только в случае, если ведущей причиной задержек заработной платы является произвол работодателей, а не экономические неурядицы. Однако даже поверхностный анализ социально-экономической ситуации в стране дает основания утверждать, что и неблагоприятная экономическая конъюнктура играет здесь немалую роль.

Затяжной экономический кризис, начавшийся в 2014 году и приобретший неизвестную академической науке и мировому опыту сложную многоступенчатую траекторию развития, негативно отразился на общей ситуации в народном хозяйстве страны [10]. Сохраняется сложная обстановка и на предприятиях, которые оказываются не в состоянии обеспечить нормы текущей ликвидности и выполнять обязательства по выплате заработной платы. Так, по данным Росстата, в 2017 году коэффициент покрытия предприятий в целом по России составил 150%, и лишь в 9 субъектах РФ он был выше нормативного значения, а в 10 субъектах РФ и вовсе опустился ниже 100% (рис. 1).

Несмотря на то что данные официальной статистики не позволяют говорить о серьезном ухудшении обстановки на рынке труда (например, не фиксируется всплеск безработицы: в 2013 году ее уровень составлял 5,5%, в 2015 году – 5,6, в IV кв. 2016 года – 5,4), нельзя игнорировать роста общей напряженности на производствах и в обществе в целом. Граждан по-прежнему волнуют низкий уровень заработной платы и ее задержки. Эти причины лидируют в числе поводов для обращения пользователей сети Интернет на Портал «онлайнинспекция.рф» (с проблемами выплаты заработной платы

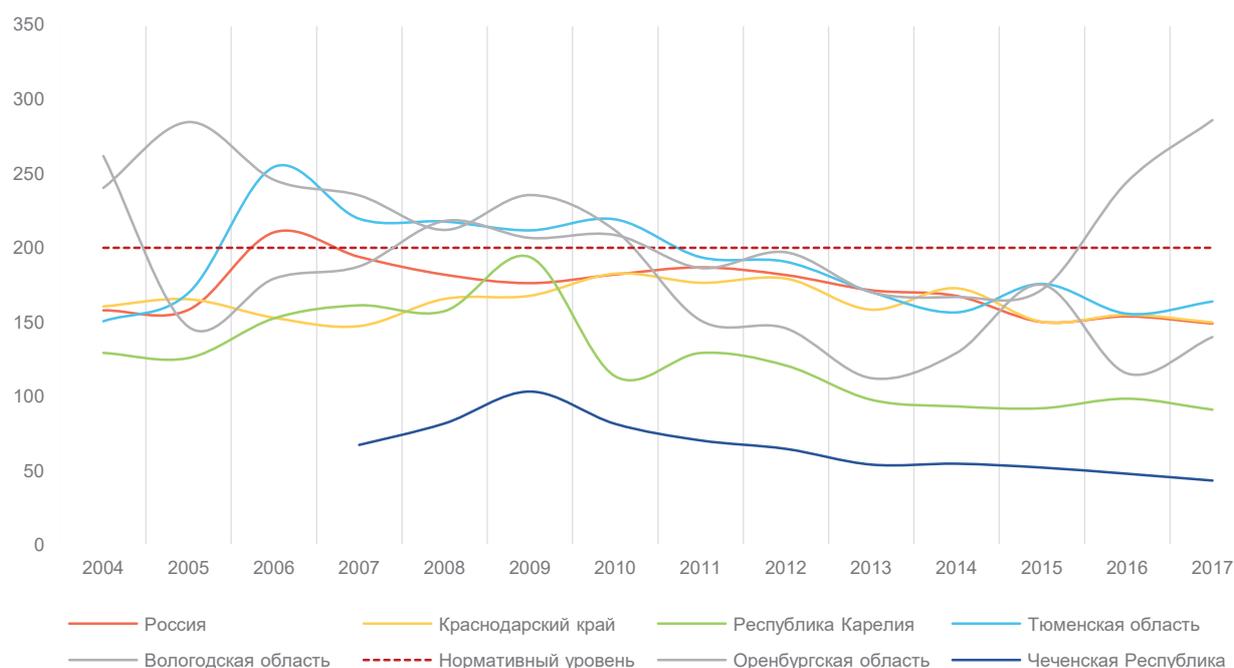

Рис. 1. Динамика коэффициента покрытия в России и ряде субъектов РФ, %

Источник: данные Росстата.

связаны 38% всех обращений граждан) [11]. Действительно, масштабы просроченной задолженности по заработной плате на 1 января 2017 года составили в целом по России 2525 млн руб., наибольшие показатели задолженности в абсолютном выражении отмечаются в Дальневосточном (723,8 млн руб.), Сибирском (587,8 млн руб.) и Северо-Западном (476,3 млн руб.) федеральных округах, наименьшие – в Северо-Кавказском (62 млн руб.) и Уральском (55,4 млн руб.). Однако в пересчете на численность занятого населения ситуация меняется на обратную: в «лидеры» по задолженности выходят Уральский (1102 руб. на 10 000 занятых в экономике), Северо-Кавказский (644 руб.) и Центральный (625 руб.) федеральные округа. В общем объеме просроченной задолженности по зарплате 59% приходится на обрабатывающие производства, 18% – на строительство; в сельском хозяйстве и транспорте аккумулируется по 6% общей задолженности.

Скромные доходы и задержки зарплат все чаще вынуждают граждан обращаться к услугам микрокредитования для решения элементарных бытовых проблем, причем на

крайне невыгодных условиях. По оценкам экспертного агентства «РАЕХ», объем совокупного портфеля микрозаймов в 2014 году составлял 39 млрд руб., причем более половины его объема приходилось на долю микрозаймов для физических лиц (потребительские микрозаймы – 45%, микрозаймы «до зарплаты» – 11%) [13]. По оценкам международной консалтинговой компании J'son & Partners Consulting, основными потребителями, 66% в общей структуре, являются жители малых городов и сельской местности [12].

Именно проблемы с невыплатой заработной платы становятся основным поводом для недовольства работников, выливающегося в массовые акции протеста. Полная или частичная невыплата заработной платы становится ведущей причиной трудовых протестов (54% от общего числа акций). Низкий уровень заработной платы становится озвученной причиной или одной из причин 16% протестных акций [2]. По итогам выборочных обследований организаций (Росстат, 2017 год), практически половина работников в России имеют заработную плату до 25 000 руб., а около 10% – ниже величины прожиточного мини-

мума. «Работающие бедные» – вот, вероятно, главная потенциальная сила российского социального и трудового протеста.

Однако сложной экономической обстановкой в стране все проблемы в трудовых отношениях не объясняются, играет роль и отсутствие конструктивного диалога между работниками и работодателями [5]. Пожалуй, самым распространенным примером этого является легкомысленное отношение работодателей к индексации заработной платы. Несмотря на то что их обязанность в этой части определена Трудовым кодексом, уровень индексации на уровне не ниже инфляции строго не регламентирован. Отсутствуют и реальные инструменты воздействия на работодателя с целью принуждения его к исполнению условий ТК, отраслевых соглашений и коллективных договоров. Профсоюзы, там, где они существуют, нередко «входят в положение» нанимателей и не поднимают вопроса об индексации заработной платы в принципиальном ключе. Нашумевший пример – безуспешные попытки работников Ульяновского автозавода принудить руководство к исполнению коллективного договора в части индексации заработной платы. Вместо того чтобы выполнить свои обязательства перед работниками, наниматель обвиняет их в лени, а индексацию заработной платы называет «демотивирующим фактором» деятельности [9]. И эта ситуация – весьма типична. Руководители региональных профсоюзов Вологодской области (*устные сообщения в рамках личных бесед*) говорят об индексации заработной платы, которой они добиваются от работодателя немалыми усилиями, как о большой удаче.

Нередко региональные органы исполнительной власти относят трудовые конфликты к той категории «напрягающих моментов», которые было бы желательно искоренить⁴.

⁴ Например, в Публичном докладе о результатах деятельности Департамента труда и занятости населения Вологодской области за 2016 год сказано, что повышение эффективности социального партнерства необходимо в том числе и для «недопущения возникновения коллективных трудовых споров».

С этим никак нельзя согласиться, прежде всего, в силу утопичности самой идеи: конфликты между работодателями и трудовыми коллективами или отдельными работниками происходили и будут происходить всегда. Кроме того, конфликт, согласно идее, выдвинутой Г. Зиммелем и поддержанной Л. Козером, «может служить устранению разобщающих элементов отношений и восстановлению единства, являясь, по сути, формой социализации» [7]. В связи с этим подлинная проблема трудовых конфликтов заключается в том, присутствуют ли и насколько эффективно функционируют инструменты по их разрешению. В России, где обращение к судебной системе не является традиционным способом восстановления справедливости, показатели судопроизводства по трудовым спорам могут быть полезны для взвешенной оценки ситуации. Действительно, если трудовые конфликты доходят до суда, то это признак непродуктивности всех предшествующих механизмов и процедур досудебного порядка урегулирования споров. Так, действующее законодательство РФ не предусматривает принудительного исполнения предписаний должностных лиц органов федеральной инспекции труда, а потому в случае несогласия с порядком и сроками, установленными предписанием, работник должен самостоятельно обратиться в суд для получения соответствующего судебного акта (решения, приказа), например, с целью принудительного взыскания задолженности по оплате труда. Последнее нередко вынуждает граждан оценивать работу трудовой инспекции как неэффективную⁵.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 году в российских судах общей юрисдикции было рассмотрено 571 881 гражданское дело по вопросам трудовых споров, подавляющее большинство (89%) из них касались оплаты

⁵ Об этом можно судить, в частности, по мнениям граждан, приведенным в качестве комментариев на портале «Онлайн-инспекция.рф»: <https://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn-p1ai/discussion/show/14>

труда. Споры об оплате труда лидируют и по степени удовлетворения требований (98% рассмотренных дел), что свидетельствует об актуальности и остроте проблемы произвола нанимателей, в том числе и по масштабам присужденных к взысканию сумм, которые в целом по стране достигают десятков миллиардов рублей. Доля дел, закончившихся удовлетворением требований, по прочим категориям значительно ниже, особенно это касается дел о восстановлении на работе, лишь порядка 40% из которых в итоге рассмотрения заканчиваются признанием правоты истца (табл. 1).

Статистика за более длительный период показывает, что количество ежегодно рассматриваемых судами дел по вопросам трудовых споров по основным категориям дел сохраняется на стабильно высоком уровне (табл. 2). «Лидерство» в общем количествесудебныхтрудовыхспоровпринадлежит Приволжскому (123 023 споров в 2016 году), Сибирскому (99 257) и Центральному (86 874) федеральным округам.

Рост общего количества трудовых протестов, измеримого и объективного показателя, отмечается экспертами с первого

года систематических измерений. Согласно данным Центра социально-трудовых прав, за период замеров – с 2008 по 2016 год – количество трудовых протестов увеличилось с 93 до 419, а число протестных акций, сопровождавшихся остановкой работ (к этой категории протестов относится весь спектр возможных форм, в том числе забастовка, коллективный пикет и любое другое выражение протеста, при условии что они сопряжены с прекращением работы предприятия или подразделения), – с 60 до 158 единиц [2].

Несмотря на то что абсолютные показатели протестной активности не кажутся «запредельными», в пересчете в относительные величины они уже весьма впечатляют. Так, в 2016 году среднемесячное число протестных акций в России достигло 37,7 (в 2008 году 7,8). Обращаясь к статистическому упрощению, скажем, что в течение 2016 года не было ни одного дня, который прошел бы без протестной активности работников (табл. 3).

Инструменты защиты социально-трудовых прав, предусмотренные трудовым законодательством РФ, оказываются малоэф-

Таблица 1. Показатели движения гражданских (административных) дел, касающихся вопросов трудовых отношений, рассмотренных российскими судами общей юрисдикции в 2015 году

Категория дел	Неоконченные дела, на начало года	Вновь поступившие	Рассмотрено дел		Суммы, присужденные к взысканию по удовлетворенным искам, включая моральный вред, руб.
			Всего	Доля дел с удовлетворением требований, %	
О восстановлении на работе	2 458	21 156	15 962	42	479 300 927
Об оплате труда	13 382	548 743	508 055	98	20 221 931 706
О возмещении ущерба, причиненного при исполнении трудовых обязанностей	1 475	11 035	9 061	79	1 156 034 607
Другие, возникающие из трудовых правоотношений	6 078	50 633	38 803	71	1 475 874 363

Источник: данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Таблица 2. Количество гражданских (административных) дел, касающихся вопросов трудовых отношений, рассмотренных с вынесением решения

Категория дел	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Трудовые споры о восстановлении на работе	16 658	15 024	14 210	15 974	15 382
Трудовые споры об оплате труда	495 966	459 127	445 134	505 806	500 466

Источник: данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Таблица 3. Общее количество социально-трудовых протестов в России, в том числе сопровождавшихся стоп-акциями

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Общее число акций	93	272	205	263	285	277	293	409	419
Число стоп-акций	60	106	88	91	95	102	97	168	158
Доля стоп-акций в общей массе протестов	64,5	38,9	42,9	34,7	33,3	36,8	33,2	41,1	37,7
Среднемесячное число акций	7,8	22,7	17,1	21,8	23,8	23,1	24,4	34,1	34,9
Среднемесячное число стоп-акций	5,0	8,8	7,3	7,6	7,9	8,5	8,1	14,0	13,2

Источник: данные Центра социально-трудовых прав.

Таблица 4. Формы протеста в свете российского законодательства

Предусмотренные Трудовым кодексом (10% в структуре протестов)	Не предусмотренные ТК, но предусмотренные Конституцией РФ (80% и более)	Радикальные, «нелегальные» (10% в структуре протестов)
<ul style="list-style-type: none"> – остановка работы по заявлению из-за более чем двухнедельной задержки заработной платы; – отказ от работы в случае, если условия труда угрожают жизни и здоровью; – во время забастовки, организованной в рамках коллективного трудового спора 	<ul style="list-style-type: none"> – митинг (вне предприятия и на предприятии); – пикетирование; – шествия; – обращение к властям 	<ul style="list-style-type: none"> – голодовка, – перекрытие магистралей, – захват предприятия

Источник: данные Центра социально-трудовых прав.

фективными, что заставляет работников находить новые пути отстаивания своих интересов. Известно, что Трудовой кодекс РФ предусматривает ограниченный арсенал форм протеста. Среди них три основные: 1) остановка работы «по заявлению» из-за задержки заработной платы более 15 дней подряд; 2) отказ от работы «по заявлению» в случае, если условия труда угрожают жизни и здоровью работника (в результате аварии или отсутствия средств индивидуальной защиты); 3) во время забастовки, организованной в рамках коллективного трудового спора. Работники ряда отраслей, прежде всего, социально значимых, например общественного транспорта, здравоохранения и др., лишены права прибегать к любым средствам, способным вызвать остановку работ⁶.

Однако по оценкам Центра социально-трудовых прав, на долю предусмотренных ТК (три вышеперечисленные) форм протеста приходится лишь 10% всех протестных акций (табл. 4).

⁶ Однако время от времени и в этих сферах происходят стоп-акции. Один из примеров – акция водителей и кондукторов ООО «Альфа-Транс» (Сыктывкарское Авто-транспортное предприятие), летом 2014 года не вышедших на работу в знак протеста из-за невыплаты в положенном объеме заработной платы.

В силу организационно-юридических, процедурных сложностей проведения забастовки стали чрезвычайно редкими событиями российской общественной жизни [6; 9; 16]. Например, по данным Росстата, в 2014 году лишь в 2-х российских организациях произошли забастовки, участниками которых стали немногим более 500 человек (для сравнения: максимальное в 2000-е гг. число индустриальных конфликтов пришлось на 2004 год – 5933 факта, в 1990-е гг. – на 1997 год, когда было зафиксировано 17007 забастовок). Дело в том, что статистика фиксирует лишь те забастовки, которые реализованы в рамках коллективного трудового спора и в соответствии с предусмотренной законодательством строгой процедурой, поэтому большинство акций, именуемых априори забастовками, перестают быть таковыми после соответствующего решения суда. В 2015 году в судах общей юрисдикции было рассмотрено 18 дел о признании забастовок незаконными и возмещении причиненного ими ущерба, из них 16 (в 2014 году – 10 из 10 рассмотренных дел) закончились удовлетворением требований, то есть признанием незаконности осуществленной акции. Впрочем, общая сумма, присужден-

ная к взысканию, включая моральный вред, невелика – 729 400 руб., то есть менее 50 000 руб. на один иск.

Радикальные протестные акции (голодовки, перекрытие магистралей, захват предприятий) также составляют не более 10% в структуре трудовых протестов⁷. Основная же часть фиксируемых в России трудовых протестов реализуется в формах, предусмотренных общим законодательством о конституционных правах, независимо от того, являются ли участники протестных акций членами трудового коллектива или нет (это митинги как вне предприятия, так и на предприятии, пикетирование, шествия, обращение к властям и пр.).

Нередко протестные акции совмещают несколько форм, реализуемых параллельно или последовательно одна за другой. Для измерения сложности протестов специалисты Центра социально-трудовых прав используют показатель комплексности протестов (среднее количество различных форм протестов, используемых в рамках одной протестной акции), который за последние годы имеет тенденцию к росту: он увеличился с 1,27 в 2008 году до 1,64 в 2016 году. Это вызвано, прежде всего, стремлением работников усилить воздействие на работодателя, но играет роль и эволюция конфликта, которая, как правило, берет начало в простых и безболезненных формах (выдвижение требований, пусть и часто несущее в себе угрозу дальнейших решительных действий), а затем, по мере того как используемые механизмы не приводят к удовлетворительным результатам, трудовые коллективы выбирают все более агрессивные формы борьбы за свои права. Например, уже упомянутый митинг шахтеров в Ростове-на-Дону (7 ноября 2016 года) стал результатом отсутствия решения ранее артикулированной проблемы невыплаты заработной платы. Работники

⁷ Впрочем, в международной практике имеются примеры и более радикальных форм протеста. Например, в отчете «Трудовые протесты в Иордании, 2012» указывается такая форма, как угроза самоубийства [19].

добились встречи с представителями власти (форма – «обращение к властям»), но в случае отсутствия результатов шахтеры угрожали возобновить голодовку и перекрыть железнодорожные и автомобильные пути. Агрессивные формы протеста отражают, во-первых, безрезультатность традиционных схем выдвижения требований, во-вторых – серьезность намерений протестующих, наконец, в-третьих – стремление придать общественный резонанс протестным действиям и привлечь внимание СМИ, как правило, отзывчивых только к информационным поводам скандального характера. Немаловажную роль играет и желание попасть «на глаза» высокопоставленным чиновникам. Это в известной степени объясняет тот факт, что большая часть трудовых протестов (67%) в России так или иначе вовлекает в качестве участников разрешения конфликта органы власти. Однако главная причина необходимости «творческого» поиска эффективных способов воздействия на работодателя связана с отсутствием отлаженного механизма решения трудовых конфликтов посредством формализованных процедур, прежде всего в рамках коллективного трудового спора, а также отсутствием механизмов принуждения работодателя к исполнению его обязанностей. Иными словами, к поиску альтернативных форм протеста работников толкает отчаяние и неверие в то, что сложившуюся проблему можно разрешить в рабочем, «штатном» режиме. Во многом именно по причине многообразия форм протестных акций сам термин «трудовые» применительно к протестам, вызванным проблемами на предприятиях, все больше уступает место термину «социально-трудовые».

Оценки перспектив неоднозначны. Эксперты говорят о кризисности ситуации и непредсказуемости развития событий [8]. Вместе с тем видимых примет социальной катастрофы нет. П.В. Бизюков называет динамику трудовых протестов «инволюцион-

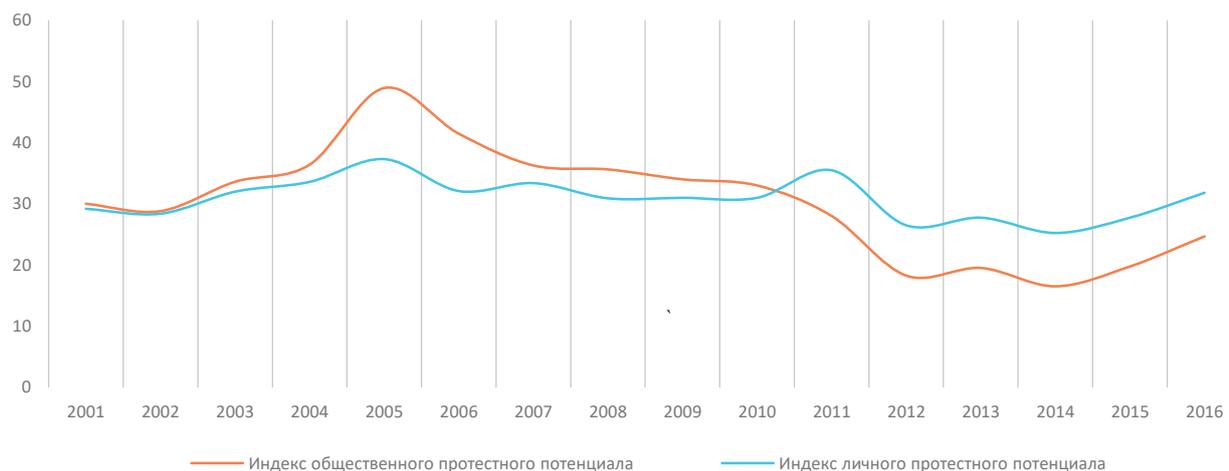

Рис. 2. Индексы общественного и личного протестного потенциала в России

Источник: данные всероссийских опросов ВЦИОМ. В каждом опросе принимали участие 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

но-расширяющимся процессом», имея в виду фиксируемый год от года рост числа протестов без существенных изменений в их масштабах и формах реализации [2]. Тревогу вызывает то, что незначительные, казалось бы, в масштабах страны течения индустриальных конфликтов ложатся в одно русло с общим протестным потенциалом россиян, сила которого умеренно, но нарастает. Начиная с 2014 года в России отмечается рост индексов общественного (с 17 до 25 пунктов) и личного (с 25 до 32 п.) протестного потенциала, измеряемого ВЦИОМ в мониторинговом режиме, а также синхронизация обоих трендов, что, как представлено на диаграмме, происходит не всегда (рис. 2). Россияне не только все выше оценивают вероятность своего участия в возможных акциях протеста, но и ощущают в своем окружении предпосылки для всплеска народного недовольства. Эту ситуацию можно сравнить со «сгущением туч» перед грозой, которая может вот-вот грянуть. Самый несущественный фактор (высказы-

вание политического лица или громкий инцидент) может вызвать бурное развитие протестного движения, катализируемое непростой социально-экономической обстановкой в стране и регионах. Имеется достаточно исторических примеров того, как выступления работников становились «спусковым крючком» для значительных социально-экономических и даже политических потрясений [1].

В этих условиях особая ответственность ложится на органы исполнительной власти, в том числе департаменты труда и занятости, от своевременности и эффективности действий которых зависит степень социальной напряженности в регионах. Вместе с тем всеяют оптимизм отдельные «островки» гражданской активности, которые хотя и не снижают общей напряженности ситуации, но все же позволяют надеяться, что распространенное замечание «народ безмолвствует» не настолько соответствует действительности, насколько мы привыкли думать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бизюков, П. В. Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений [Текст] / П. В. Бизюков. – М. : Центр социально-трудовых прав, 2011. – 128 с.
2. Бизюков, П. В. Трудовые протесты в России в 2008–2016 гг. Аналитический отчет по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП [Электронный ресурс] / П. В. Бизюков. – Режим доступа : <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1807>
3. Бизюков, П. В. Трудовые протесты в России в 2008–2015 гг. Аналитический отчет по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП [Электронный ресурс] / П. В. Бизюков. – Режим доступа : <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1712>
4. Дементьева, И. Н. Протестный потенциал в регионе в контексте проблемы национальной безопасности [Текст] / И. Н. Дементьева // Проблемы развития территории. – 2015. – № 3. – С. 115–126.
5. Карелина, М. В. Региональные профсоюзы в социальном диалоге [Текст] / М. В. Карелина // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 62–70.
6. Козина, И. М. Забастовки в современной России [Текст] / И. М. Козина // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 13–24.
7. Козер, Л. А. Функции социального конфликта [Текст] / Пер. с англ. О. А. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Иониной. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.
8. Макаров, Е. Обзор социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс] / Е. Макаров. – Режим доступа : <http://www.fnpr.ru/n/256/13488.html>
9. Просить или требовать [Электронный ресурс] // Официальный сайт Радио Свобода. – Режим доступа : <http://www.svoboda.org/a/28108504.html>
10. Поварова, А. И. Проблемы и особенности исполнения субфедеральных бюджетов в 2015 году [Текст] / А. И. Поварова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 144–164.
11. Ресурс «Онлайнинспекция.рф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://goo.gl/rTohza>
12. Российский и мировой рынок микрокредитования, 2008–2017 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании J'son & Partners Consulting. – Режим доступа : http://www.json.ru/poleznye_materialy/free_market_watches/analytics/rossijskij_i_mirovoj_rynok_mikrokreditovaniyab_2008-2017_gg
13. Рынок микрофинансирования. Целевая модель российского рынка микрофинансирования в 2020 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт рейтингового агентства RAEX (Эксперт РА). – Режим доступа : <http://raexpert.ru/sproject/bfsr/finstrategy-2020/microfinans>
14. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.cdep.ru>
15. IX съезд ФНПР завершил работу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерации независимых профсоюзов России. – Режим доступа : <http://www.fnpr.ru/n/241/10417.html>
16. Три показательных судебных процесса по трудовым вопросам [Электронный ресурс] // Ведомости. – Режим доступа : <http://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/09/16/608859-tri-pokazatelnih-sudebnih-protsessah>
17. Эффективность государственного управления в оценках населения (по материалам исследований ИСЭРТ РАН). – Вып. 5 (19). – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. – 78 с.
18. Fisk, K. Labor Protest Under the New First Amendment [Text] / K. Fisk // Berkeley Journal of Employment and Labor Law / K. Fisk, J. Rutter. – 2015. – Vol. 36. 2. – P. 277–329.
19. Labor Protests in Jordan 2012. Labor Watch Reports. Phenix Center for Economics and Informatics Studies In Cooperation With Friedrich Ebert Stiftung [Text], 2013. – P. 14.
20. Malek, K. Labor Conflicts: The Case of Two Supermarket Strikes [Electronic resource] / K. Malek / Beyond Intractability Project, The Conflict Information Consortium, University of Colorado. – Available at : <http://www.beyondintractability.org/casestudy/malek-labor>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калашников Константин Николаевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: konstantino-84@mail.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Kalashnikov K.N.

LABOR PROTESTS IN MODERN RUSSIA: TYPES AND CONDITIONS

The article analyzes the main features of the protest movement of employees in modern Russia, stressing not only the analysis of the spectrum of forms of labor protests, but also the study of their basic socio-economic conditions. The author notes that difficult socio-economic situation of current Russia (budgetary difficulties of the regions, the low liquidity level of companies, insufficient level of wages and its back pay) worsens a general institutional problem of weak development of social partnership tools. In spite of a small number of labor protests occurring each year in the country (several hundred), there is a number of circumstances demanding closer attention to the issue raised. Among them it is necessary to name a steady increase in the number of conflicts in recent years, the aggravation of the overall socio-economic situation in the country, the overall growth of protest potential in the Russian society. On the basis of statistics and the results of expert studies the article states and confirms that the instruments for the protection of social and labor rights provided by the labor legislation of the Russian Federation are ineffective. It forces workers to find new ways of defending their interests. As a result, the main part of labor protests, recorded in Russia, are not of types established by the labor code, but by general legislation of constitutional rights. The article notes that labor protests studies cannot rely only on official statistics (Rosstat), which provides information on the number of strikes. The studies on the issue should include the analysis of the expert assessments and personal observations. The information basis for the article is relied on official statistics (Rosstat), as well as on the expert assessments of the Center for Social and Labor Rights (Moscow), that have been studying the issue of labor protests in monitoring mode since 2008. The results of the study can be useful to the administrative authorities, in particular to labor and employment departments, in order to undertake measures to stabilize the situation in the sphere of labor relationship and society in general, and in academic activities within the courses of sociology, political science and conflictology. Future consideration for research is connected with the necessity and urgency of studying the role and involvement of trade unions in the settlement of labor conflicts and efficient improving of social partnership instruments.

Labor protests, types of labor protests, stop-actions, employer, strike, Russia.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalashnikov Konstantin Nikolaevich – Ph.D. in Economics, Research Associate at the Department for Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: konstantino-84@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.